

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В НУМИДИИ НАКАНУНЕ ЮГУРТИНСКОЙ ВОЙНЫ

Югуртинская война (111—105 гг. до н. э.) — один из наиболее ярких эпизодов освободительной борьбы североафриканских племен против Рима. Однако причины этой войны еще по существу не выяснены. Один из ученых первой четверти XX в. писал: «Наиболее видные современные историки не сделали никакой серьезной попытки понять причину Югуртинской войны...»¹. Такое положение создалось оттого, что историки стремились видеть причину всех явлений политической жизни Средиземноморья исключительно в политике Рима. Никто не искал причин Югуртинской войны во внутривосточном положении Нумидии, в глазах историков эта страна оставалась недостойным серьезного внимания средиземноморским захолустьем.

Известно, что Югуртинской войне предшествовала гражданская война в Нумидии (118—111 гг. до н. э.). Несмотря на то, что гражданская война повлекла за собой Югуртинскую, историки не усмотрели причинно-следственной связи между этими двумя событиями. Сложилось мнение, что гражданская война в Нумидии была исключительно внутренним делом, династической борьбой претендентов на престол² и лишь случайное вмешательство римских негоциантов в гражданскую войну привело одного из претендентов на нумидийский трон к столкновению с Римом³. Таким образом, оставалось считать, что Югуртинская война была вызвана цепью случайностей и недоразумений. Моммзен и Гринидж полагали, что до 118 г. до н. э., т. е. до самого начала гражданской войны, в Нумидии вообще не было никакой напряженности во внутривосточной политической ситуации⁴. Таким образом, и гражданская война представлялась им какой-то случайностью.

Между тем из сочинения Саллюстия, самого полного и по существу почти единственного нашего источника по истории Югуртинской войны, видно, что еще до 134 г. до н. э. (т. е. за 16 лет до 118 г. до н. э.) в Нумидии существовала реальная угроза гражданской войны. Саллюстий прямо говорит, что уже в это время нумидийский царь Миципса опасался «какого-либо мятежа или войны» (*ne qua seditio aut bellum oriretur anxius erat*)⁵. Нет никаких оснований не доверять сообщению историка, который в 46—45 гг. до н. э. был римским проконсулом в Нумидии и о нумидийских делах был осведомлен лучше, чем любой римлянин его времени⁶. Кроме упоминаемых им «Пунических книг» царя Гиемисала, он мог пользоваться архивами нумидийских царей и беседовать с современниками и участниками Югуртинской, а может быть, даже и гражданской войн⁷. Тем, кто усматривает причину гражданской войны в ди-

¹ M. Holroyd, Jugurthine War: Was Marius or Metellus the Real Victor?, JRS, № 18, 1928, стр. 2.

² По мнению Гзелля и Ласта, эта династическая борьба в Нумидии не имела к Риму никакого отношения. См. S. Gsell, Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. т. VII, Р., 1928, стр. 138—142; ср. H. Last, САН, т. IX, стр. 117.

³ A. H. J. Greenidge, A History of Rome during the Later Republic and Early Principate, т. I, Л., 1904, стр. 343; Gsell, ук. соч., т. VII, стр. 151 сл.; САН, т. IX, стр. 119.

⁴ Оба автора считают, что между царем Миципсой и Югуртой существовали прекрасные отношения. Моммзен полагает даже, что Югурта участвовал в делах управления еще при жизни царя. См. Т. Моммзен, История Рима, т. II, М., 1937, стр. 134 сл.; Greenidge, ук. соч., т. I, стр. 322 сл.

⁵ Sall., Jug., 6, 3; ср. 7, 1; Саллюстий прямо указывает на то, что царь Миципса хотел устранить Югурту, но боялся его сторонников, грозивших мятежом. Таким образом, утверждение, будто между Миципсой и Югуртой всегда сохранялись прекрасные отношения, лишено оснований.

⁶ Gsell, ук. соч., т. V, стр. 17; т. VII, стр. 124 сл.

⁷ Ласт (САН, т. IX, стр. 114 сл.) вопреки мнению Гзелля (ук. соч., т. VII, стр. 126) полагает, что Саллюстий вполне мог пользоваться устными сведениями о Югур-

настической борьбе, можно возразить, что это еще ничего не объясняет. Коль скоро в династической борьбе участвуют какие-то слои населения (а в гражданской войне в Нумидии принимали участие широкие массы), то задача историка — объяснить причину заинтересованности тех или иных слоев общества в победе того или иного претендента, выяснить, какие социальные группы стоят за каждым из претендентов на престол.

Итак, из сообщений Саллюстия (Jug., 6—7) видно, что к 134 г. до н. э. в Нумидии существовали две партии. Во главе правящей партии стояли царь Миципса и его сыновья — Адгербал и Гиемпсал. Главой оппозиции был Югурта, незаконный сын брата Миципсы, Масанабала, не имевший прав на престол (Sall., Jug., 9, 3).

Чтобы понять, кто поддерживал правящую партию и оппозицию, необходимо рассмотреть, какие причины привели к объединению Нумидии в единое государство и какие изменения в жизни нумидийских племен были этим вызваны.

Объединение Нумидии (201 г. до н. э.) произошло не только вследствие внутренних причин, но главным образом благодаря вмешательству римлян, стремившихся создать сильное и единое Нумидийское царство в противовес Карфагену⁸. Во главе объединенной Нумидии римляне поставили одного из нумидийских вождей, Масиниссу, оказавшего Риму большие услуги во время войны с Карфагеном. Таким образом, основатель правившей в Нумидии династии целиком был обязан своей властью римлянам, которые помогли ему подчинить многочисленные разрозненные племена, населявшие Нумидию⁹.

Став царем, Масинисса, естественно, нуждался в прочной опоре внутри страны. Такой опорой не могли быть ни стремившиеся к независимости вожди, ни рядовые общинники кочевых нумидийских племен. Царь не мог предложить им взамен утерянной свободы ничего, кроме налогов и стеснительных государственных установлений. Поэтому он принужден был провести ряд мероприятий, которые с полным правом можно назвать реформами. Проводя эти реформы, Масинисса стремился приучить кочевников-нумидийцев к земледелию¹⁰, создать в Нумидии крупное землевладение¹¹, централизовать управление и ограничить власть и независимость вождей кочевых нумидийских племен¹², наконец, приучить нумидийцев к греческому образу жизни, установив тесные культурные связи с эллинистическим миром, и распространить среди нумидийской знати эллинистическую культуру¹³. Конечной целью этих реформ было превращение Нумидийского царства в некое подобие эллинистической монархии.

Реформы Масиниссы дали свои плоды уже в период его царствования. О развитии хлебопашества в Нумидии свидетельствует тот факт, что в период III Македонской войны (171—168 гг. до н. э.) Масинисса мог снабжать нумидийским хлебом своих союзников римлян (Liv., LXV, 13). Оставив в стороне спор о значении так называемого «дара Масиниссы», можно с уверенностью сказать, что в правление этого царя Ну-

тинской войне. Во времени проконсульства Саллюстия (46—45 гг. до н. э.) шестнадцатилетним участникам гражданской войны в Нумидии (118 г. до н. э.) исполнилось 88—89 лет (вспомним, что дед Югурты, нумидийский царь Масинисса, умер девятидесятью лет от роду и до самой смерти сохранил свои духовные и телесные силы).

⁸ Greenidge, ук. соч., т. I, стр. 315; САН, т. VIII, стр. 471; т. IX, стр. 116.

⁹ Liv., XXV, 34; XXX, 15; LXV, 13—14; Sall. Jug., 24, 10; 5, 4—5.

¹⁰ Strabo, XVI, 3, 15; Val. Max., VIII, 13; App., Lib., 106. См. также Gsell, ук. соч., т. V, стр. 187 сл.; САН, т. IX, стр. 132.

¹¹ Polyb., XXXVI, 16, 7—9; Diod. Sic., Fragm. XXXII, 17.

¹² Полибий (XV, 3) указывает на то, что уже в конце II Пунической войны вожди независимых нумидийских племен ясно понимали, чем грозит им приход к власти Масиниссы. О подавлении Масиниссой попыток нумидийских вождей сохранить свою независимость см. также Polyb., XXX, 2; Liv., XXXIV, 62.

¹³ Liv., Epit., 50. См. также Я. А. Лепсман, Дар Масиниссы, ВДИ, 1948, № 4, а также «Choix d'inscriptions de Delos», № 68 и № 69.

мидия становится значительным центром производства пшеницы. Такое развитие сельского хозяйства, очевидно, было возможно лишь при переходе значительных масс нумидийского населения к оседлости и при создании крупного землевладения. Значительную роль в этом успехе политики Масиниссы сыграли развитые сельскохозяйственные районы, принадлежавшие некогда Карфагену и присоединенные к Нумидии после II Пунической войны¹⁴. «Дар Масиниссы» свидетельствует и о том, что нумидийскому царю удалось завязать тесные сношения с эллинским миром¹⁵. Параллельно этому шло внедрение эллинистической культуры, затрагивавшее, правда, лишь незначительную часть нумидийской аристократии¹⁶. Таким образом, Масиниссе удалось создать опору своей власти в самой Нумидии в лице крупных землевладельцев¹⁷. Этот класс нумидийского общества был неразрывно связан с царствующей династией и с режимом, созданным Масиниссой после объединения Нумидии в 201 г. до н. э.

Преемники Масиниссы — и, в частности, его сын, царь Миципса, — продолжали ту же политику¹⁸. Так как темпы перехода нумидийцев от кочевого образа жизни к оседлому, по-видимому, не удовлетворяли Миципсу, он поощрял приток в Нумидию греческих колонистов¹⁹. Кроме того, он и его наследники способствовали привлечению в страну римских капиталов, покровительствовали римским и италийским негодиптам в Нумидии (Sall., Jug., 23, 3). Таким образом, преемники Масиниссы старались расширить свою социальную базу за счет привлечения иноземцев-колонистов и еще более тесного сближения с римскими предпринимателями. Однако такая политика все более и более усиливала изначальную зависимость Нумидии от Рима²⁰.

Рост крупного землевладения, привлечение колонистов, поощрение, оказывавшееся иноземным торговцам и ростовщикам, усиление зависимости от Рима неизбежно должны были вызвать недовольство политикой правительства в самых различных слоях нумидийского общества. Централизаторские стремления Масиниссы с самого начала встретили яростное сопротивление вождей кочевых нумидийских племен, пользовавшихся фактически полной независимостью и располагавших собственными военными силами²¹. Кроме того, развитие оседлости и крупного землевладения не могло не задевать интересы рядовых общинников кочевых нумидийских пле-

¹⁴ Greenidge, ук. соч., т. I, стр. 315; Mommsen, ук. соч., т. II, стр. 41 и 134. В присоединенных к Нумидии карфагенских областях несомненно было развито крупное землевладение. Крупные имения этих районов, вероятно, стали образцом для поместий, созданных Масиниссой на территории самой Нумидии (Polyb., XXXVI, 16, 7—9; Diod. Sic., Fragm. XXXII, 17).

¹⁵ См. Ленцман, ук. соч.; W. Laidlaw, A History of Delos, Oxford, 1933, стр. 127; J. A. Larsen, Roman Greece, ESAR, т. IV, стр. 351.

¹⁶ Известно, что некоторые из сыновей Масиниссы получили хорошее греческое образование (Liv., Epit., 50).

¹⁷ Polyb., XXXVI, 16, 7—9; Diod. Sic., Fragm. XXXII, 17.

¹⁸ Саллюстий неоднократно (Jug., 14; 24) подчеркивает, что именно царь Миципса и его сыновья, Адгербал и Гиемпсал, были последователями и продолжателями политики Масиниссы.

¹⁹ Strabo, XVI, 3, 13. Видимо, развитие сельского хозяйства и успехи аграрной политики Масиниссы более относились к отнятым у Карфагена, нежели к собственно нумидийским областям, где еще очень сильны были кочевники-скотоводы (о сохранении в Нумидии кочевого скотоводства см. Gsell, ук. соч., т. V, стр. 174—177; САН, т. IX, стр. 132).

²⁰ Flor., III, 1; Liv., LXV, 13; Sall., Jug., 24, 10; 14, 10.

²¹ Polyb., XV, 3; XXX, 2; Liv., XXXIV, 62; Гринидж (Greenidge, ук. соч., т. I, стр. 321) отмечает сохранение влияния местных вождей в Нумидии во II в. до н. э.

мен²². Поэтому сопротивление нумидийцев политике Масиниссы и его преемников приобрело широкий размах и носило массовый характер (Liv., Epit., 48). Характерно, что глава этой оппозиции, Югурта, в 108 г. до н. э., в один из самых тяжелых периодов борьбы с римлянами опирался главным образом на кочевые племена гетулов, фактически не зависевших от власти нумидийских царей. Поддержка, оказанная гетулами Югурте, была, таким образом, совершенно добровольной²³.

В противовес эллинистической культуре, ставшей идеологическим оружием правящей партии Нумидии, оппозиция ратовала за возвращение к древним обычаям предков. Не случайно Югурта привлек к себе сердца соплеменников: строго придерживаясь древних нумидийских обычаев, он противопоставлял их «роскоши и праздности», которые в данном случае следует рассматривать как синоним греко-римской цивилизации²⁴.

После смерти Масиниссы и особенно к 134 г. до н. э. оппозиция правительству в Нумидии, по-видимому, усиливается. Этому способствовали: рост крупного землевладения, все более ущемлявший интересы широких масс; проникновение в страну чужеземных купцов, ростовщиков и колонистов, задевавшее интересы коренных жителей²⁵; ослабление интереса и внимания к нумидийским делам со стороны рим-

²² О кочевом скотоводстве в Нумидии см. САН, т. IX, стр. 132; Gsell, ук. соч., т. V, стр. 174—177.

²³ Sall., Jug., 80, 1—3; 18, 1; 19, 4—8. Симптоматичен в этом отношении также раздел Нумидии между главой правящей партии, Адгербалом, и вожаком оппозиции, Югуртой, произведенный римлянами в 118 г. до н. э. Согласно этому разделу Югурта получил наиболее дикую и удаленную от культурных центров часть Нумидии, Адгербал — наиболее цивилизованную, граничившую с римской провинцией область, в которую входили земли, отнятые у Карфагена (Sall., Jug., 16, 5; ср. Gsell, т. VII, стр. 146). Поскольку римляне желали умиротворить борющиеся партии и стабилизировать положение в стране, каждому из претендентов, естественно, была выделена та часть Нумидии, где он пользовался наибольшей поддержкой. Это лишний раз показывает, что правящая партия опиралась на оседлые, а оппозиция — на кочевые элементы нумидийского общества. В свете этого становится понятным, что «bello meliores» (Sall., Jug., 13, 1), поддерживавшие Югурту против Адгербала, были не кто иные, как воинственные нумидийские кочевники. По этому поводу невольно вспоминается наблюдение арабского ученого Ибн-Халдуна: «При равной численности и вооружении побеждают обычно те, кто более привычен к кочевому образу жизни» (цит. по кн.: S. Davidson, Old Africa Rediscovered, L., 1960, стр. 218).

²⁴ Sall., Jug., 6, 1. Мнение, что цивилизация (имелась в виду в первую очередь греко-римская культура) развращает первобытные народы, было широко распространено в Риме во времена Саллюстия (ср. Caes., De bell. Gall., I, 1—3).

²⁵ Показателем размаха народного движения в Нумидии и его антиримской направленности является избиение сторонниками Югурты итальянских купцов в Цирте в 112 г. до н. э. (Sall., Jug., 26, 3). Нет никаких оснований отрицать этот факт (как делает Инэ — W. Ihne, Römische Geschichte, т. V, Lpz, 1882, стр. 123) или преуменьшать размеры и значение этого избиения (ср. G. Bloch, M. Aemilius Scaurus, «Université de Paris: Bibliothèque de la Faculté des Lettres», XXV, 1909, стр. 43). Поэтому следует согласиться с теми историками, которые считают, что сообщения Саллюстия вполне точно отражают факты (см. Greenidge, ук. соч., т. I, стр. 343; Gsell, т. VII, стр. 151 сл.; САН, т. IX, стр. 119). Однако нет оснований объяснять избиение римлян демонической натурой Югурты и свойственными ему вспышками неукротимой ярости, тем более, что он, как известно (Sall., Jug., 72), прекрасно умел сдерживать себя, когда в том была необходимость. При избиении римлян и итальянцев в Цирте произошло, видимо, то же самое, что случилось позже в городах Малой Азии (Liv., Epit., 78), когда по призыву Миридата Евпатора народные массы расправились с римскими купцами и ростовщиками (о ненависти к римским негодьям см. Cic., pro Font., 11; Sall., Cat., 40).

ского правительства после разрушения Карфагена²⁶. Иными словами, усиление оппозиции к 134 г. до н. э. было связано с тем, что ее сторону принимают широкие массы населения страны.

Есть даже некоторые основания предполагать, что и сам Саллюстий рассматривал политическую борьбу в Нумидии не просто как результат столкновения претендентов на престол, но скорее видел в ней сходство с борьбой между оптиматами и популярями в Риме. При этом можно думать, что он считал партию Югурты аналогичной римским популярям. Саллюстий пишет: «*Neque insidiis obprimi posse hominem tam acceptum popularibus, quod erat Jugurtha manu promptus et adpetens gloriae militaris, statuit eum obiectare periculis et eo modo fortunam temptare*» (Jug., 7,1). Большинство переводчиков толкуют слово «popularibus» как «соплеменникам»²⁷, однако этот перевод не может считаться бесспорным²⁸. Эгидий Форчеллини толковал термин «populares» в этом месте «Югуртинской войны» как «гражданское, городское население» в противоположность «воинам, солдатам»²⁹. Но это противоречит указанию Саллюстия (Jug., 13,1) на то, что Югурту поддерживали «лучшие воины». Толкование Форчеллини также считается сомнительным³⁰. Таким образом, понимание термина popularibus в данном месте работы Саллюстия с давних пор вызывает разногласия.

Обычно считают, что в «Югуртинской войне» Саллюстия слово populares употребляется в значении «народная партия» один раз (41,1 — изд. Jordan'a, 1876) и в значении «соплеменники» два раза. В одном случае (70,2) это значение бесспорно, так как имеется притяжательное местоимение suis, в другом, который нас интересует (7,1), толкование термина представлялось сомнительным Эгидию Форчеллини в 1839 г. и издателям словаря 1864 г. Сравним обе фразы:

7,1: «...ubi videt neque per vim neque insidiis obprimi posse hominem tam acceptum popularibus...»

70,2: «...socium sibi adiungit Nabdalsam hominem nobilem, magnis opibus, clarum acceptumque popularibus suis...»

Очевидно, что их сходство и побудило переводчиков в сомнительном случае перевести слово popularibus так же, как и в бесспорном, — «соплеменники». Однако следует обратить внимание на отсутствие притяжательного местоимения в 7,1. Поэтому представляется возможным толковать в данном случае термин popularibus как «демократы», «народная партия», «популяреры». Такое толкование вполне соответствует всему тому, что мы знаем о сторонниках Югурты. Возможно, что Саллюстий сознательно отождествил нумидийскую оппозицию с римскими популярями³¹. В этом случае отсутствие притяжательного местоимения получает вполне понятное объяснение.

²⁶ Greenidge, ук. соч., т. I, стр. 317.

²⁷ См., например: Саллюстий, Заговор Катилины. Югуртинская война, пер. Н. Б. Гольденвейзера, М., 1916, стр. 66.

²⁸ Из-за отсутствия притяжательного местоимения (см., например, «Латинско-русский словарь» под ред. С. И. Соболевского s. v. «popularis»).

²⁹ Aegidii Forcellini Totius Latinitatis Lexicon, L., 1839, s. v.

³⁰ Aeg. Forcellini, J. Furlanetti, Lexicon Totius Latinitatis, Patavii, 1864. Однако в этом издании лишь высказывается сомнение в толковании Форчеллини, но нового перевода не дается.

³¹ Такое применение чисто римского термина к явлениям чужеземной жизни не является чем-то совершенно необычным. Так, Ливий (XLII, 13), говоря о политической борьбе у фессалийцев и перребов, применяет к одной из враждующих партий термин optimates, то же самое делает Юстин (V, 3,8). Для самого Саллюстия между определенными явлениями римской и нумидийской общественной жизни не существует никакой разницы. Он делает, например, следующее обобщение (Jug., 66,2): «Чернь, как это бывает в большинстве случаев, а особенно у нумидийцев, по своему

Итак, мы видели, что, по мере того как народные массы, выходя из состояния пассивности, склонялись на сторону оппозиции, правящая партия принуждена была все более и более ориентироваться на Рим как на единственную поддержку и опору своего господствующего положения в стране ³². В ходе гражданской войны самыми надежными и до конца преданными сторонниками вождя правящей партии Адгербала оказались проживавшие в Цирте римские и италийские негоданты. Интересы правящей партии и интересы римских купцов и ростовщиков были настолько связаны, что эти последние предпочли погибнуть с оружием в руках, защищая Адгербала, чем сохранить свою жизнь и имущество, выдав его Югурте ³³. Естественно, что, по мере того как правящая партия все теснее сближалась с римлянами, оппозиция принимала все более патриотический и антиримский характер.

После смерти Масиниссы усиление оппозиции привело к тому, что политический кризис 134 г. до н. э. был разрешен компромиссом между обеими партиями. Вождю оппозиции Югурте было дано почетное поручение ³⁴, после успешного выполнения которого он был включен Миципсой в число наследников нумидийского престола ³⁵. Ценою такой уступки правящей партии удалось на некоторое время ликвидировать кризис. Оппозиции, одержавшей столь крупную победу, оставалось только ждать смерти дряхлого (Sall., Jug., 6,2) царя Миципсы и прихода к власти Югурты. После смерти Миципсы в 118 г. до н. э. конфликт между партиями обострился с новой силой. Непосредственным поводом к столкновению было требование оппозиции отменить все постановления последнего пятилетия царствования Миципсы (Sall., Jug., 11—12). Что это были за постановления, мы не знаем, но они, по-видимому, представлялись правящей партии достаточно важными. Во всяком случае, ее вожди — Адгербал и Гиемпсал — отказались удовлетворить требование оппозиции. Видимо, и оппозиции эти постановления казались чрезвычайно существенными, так как в ответ на отказ правящей партии Югурта подстроил убийство Гиемпсала, начав тем самым гражданскую войну. Таким образом, поводом к гражданской войне послужил не спор о власти, а спор об отмене или сохранении в силе постановлений Миципсы.

Вмешательство римлян и раздел Нумидии между Югуртой и Адгербалом на короткое время прекратили гражданскую войну ³⁶, но вскоре по инициативе вождя оппозиции она вспыхнула с новой силой ³⁷. Торжество оппозиции привело к казни

характеру являлась непостоянной, склонной к мятежам и раздорам, жаждала переворота, относилась враждебно к миру и покою» («volgus, uti plerumque solet, et maxime Numidarum, ingenio mobili, seditiosum atque discordiosum erat, cupidum novarum rerum, quieti et otio adversum»). В ряде случаев Саллюстий применяет к явлениям римской и нумидийской жизни один и тот же термин. Слово nobilitas он использует для обозначения как римской (Jug., 42,3), так и нумидийской (Jug., 66,4) знати. Слово plebs Саллюстий тоже применяет как к Риму (Jug., 4,3; 42,1), так и к Нумидии (66,4).

³² Саллюстий прямо говорит, что глава правящей партии и продолжатель политики Масиниссы Адгербал «больше полагался на дружбу римского народа, чем на своих нумидийцев» (amicitia populi Romani magis quam Numidis fretus erat — Sall., Jug., 20,5).

³³ Sall., Jug., 21,2; характерно, что римские и италийские купцы, несмотря на крайне тяжелое положение, в котором они находились (Sall., Jug., 25,9—11; 26,1—3) во время осады Цирты Югуртой, согласились сдать город лишь при условии сохранения жизни Адгербалу (Sall., Jug., 26,1—3). См. также Greenidge, ук. соч., т. I, стр. 343.

³⁴ Sall., Jug., 7,1—3; Greenidge, ук. соч., т. I, стр. 322 сл.; Моммзен, История Рима, т. II, стр. 134 сл.

³⁵ Sall., Jug., 9,1—4; W. Allen, The Sources Jugurtha's Influence in the Roman Senat, «Classical Philology», 1938, стр. 91.

³⁶ Sall., Jug., 16; Flor., III, 1.

³⁷ Sall., Jug., 20; Liv., Epit., 64.

Адгербала и к избиению ставших на его сторону римских негодянтов в Цирте (Sall., Jug., 26,3). После этого гражданская война в Нумидии, естественно, переросла в войну с Римом (111—105 гг. до н. э.)³⁸.

Таким образом, подводя итог всему сказанному, можно утверждать, что: 1) историки, занимавшиеся вопросами, связанными с возникновением Югуртинской войны, недооценивали значение социально-политической борьбы в Нумидии во II в. до н. э.; 2) причиной гражданской, а следовательно, и Югуртинской войны, было сопротивление вождей полузависимых кочевых племен и широких масс рядовых общинников развитию в стране государственных учреждений, а также росту крупного землевладения и товарно-денежных отношений; 3) сила оппозиции и слабость правящей партии явились результатом того, что Нумидийское государство было не столько продуктом внутреннего развития и созревания, сколько искусственным образованием, созданным благодаря вмешательству сторонних сил (в данном случае — Рима).

Б. П. Селецкий

³⁸ Историки удивляются тому, что победа римлян над Югуртой в 105 г. до н. э. не принесла Риму никаких территориальных приобретений. Нумидийское царство сохранило свои прежние границы. Что же касается подчиненного Риму положения, то оно существовало и до войны (см. Gsell, ук. соч., т. VII, стр. 162; Момзен, История Рима, т. II, стр. 149 сл., прим. 1; САН, т. IX, стр. 131 сл.). Предположения о приобретении римлянами каких-то торговых выгод (см. САН, т. IX, стр. 132 сл.) лишены всякого основания, так как совершенно очевидно, что еще до Югуртинской войны римские негодяны были в Нумидии монополистами. Целью римлян в Югуртинской войне были не территориальные приобретения и не торговые выгоды, а восстановление нарушенного нумидийской оппозицией status quo, восстановление поколебленного Югуртой господства Рима в Нумидии. Это было достигнуто разгромом оппозиции и возвращением к власти правящей партии. Источники прямо указывают, что победа Югурты в гражданской войне угрожала Риму не меньше, чем наследникам Миципы — Адгербалу и Гнемпсалу (Sall., Jug., 25; Flor., III, 1,6).